

Юлия Беринг

ПЛЕННИЦА ЛЕДЯНОГО НАСЛЕДНИКА.

ТЫ ЗАСТАВИЛ МЕНЯ ПОЛЗАТЬ НА КОЛЕНАХ
И СНЯЛ ЭТО НА ВИДЕО!

Юлия Беринг

**Пленница ледяного наследника.
Ты заставил меня ползать на
коленях и снял это на видео!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Пленница ледяного наследника. Ты заставил меня ползать на коленях и снял это на видео! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я мечтала стать врачом и спасти семью от долгов. Но однажды случайно пролила реактив на дорогой пиджак богатой однокурсницы. — На колени, нищенка! Оттирай! Марк Волков, жестокий сын декана, снимал моё унижение на телефон. А потом предложил сделку. — Твой отец должен три миллиона. Станешь моей послушной ассистенткой — сохранишь стипендию! Я работала в морге, терпела издевательства и выполняла его приказы. Когда я спасла жизнь студенту, Марк заставил меня отдать ему результаты работы! Но я нашла доказательства преступлений его семьи. Теперь впереди решающая защита научного проекта. Он хотел сделать меня своей игрушкой. А я заставлю всю академию признать, кто здесь настоящий врач!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юлия Беринг

Пленница ледяного наследника.

Ты заставил меня ползать на коленях и снял это на видео!

Глава 1

Руки дрожали от голода. Сквозняк из приоткрытых окон лаборатории «Биохимии-2» был даже приятен: я подставляла ему лицо, надеясь, что дурнота отступит. Я не ела с утра, считая каждую копейку на обед и проезд до общежития. До следующей стипендии оставалось дотянуть с тем, что было на карте. Папа уже третий раз спрашивал, смогу ли я перевести хоть что-нибудь. Я отвечала, что после выплаты, и боялась даже открыть его новые сообщения.

— Алиса, ты опять засмотрелась? — голос Киры Лапиной был сладким, как гнилой мед. Она стояла рядом, поправляя безупречный белый пиджак от итальянского бренда, который стоил больше, чем моя годовая аренда комнаты. — Аккуратнее. Этот реагент стоит дороже твоей жизни.

Я стиснула челюсти, чтобы не застонать. В горле пересохло. Нужно было просто перелить раствор в пробирку. Просто. Легко. Но пальцы скользили по стеклу, потные и слабые. Я видела перед собой не колбу, а цифры: долг, проценты, угрозы коллекторов.

Колба соскользнула.

Фиолетовый поток вырвался из-под контроля, разбрызгавшись во все стороны. Капли упали на белоснежный рукав Киры. Фиолетовый цвет расплзался по ткани. Я смотрела на него и пыталась вспомнить, сколько осталось на карте после оплаты общежития.

Тишина в аудитории стала оглушительной. Тридцать пар глаз уставились на нас. Кира замерла. Потом медленно подняла взгляд на меня, и в её глазах плескалась чистая, незамутненная злоба.

— Ты... — она начала шептать, но потом взвизгнула, сорвавшись на истерический крик. — Ты тронула мою вещь! Грязная нищета! Извинись! На коленях!

— Кира, пожалуйста, это случайность, — прошептала я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Жар стыда обжигал щеки. — Давай мы просто...

— Никаких «просто»! — она схватила меня за плечи и толкнула так, что я чуть не упала на лабораторный стол. — Вытри! Прямо сейчас своей рубашкой! Или я расскажу декану, что ты саботировала процесс.

Я попятилась назад, спотыкаясь о ножку стула. Сердце колотилось где-то в горле. Мне нужно было уйти. Смыть пятна в туалете, перевести дух, найти деньги на химчистку.

— Разойдитесь, — низкий бархатный голос прорезал воздух.

Марк Волков. Староста курса. Сын декана. Человек, которого боялись даже преподаватели. Он сидел в первом ряду, положив ногу на ногу, и смотрел на меня так, будто я была подопытной крысой, которая случайно выбежала из клетки. Его глаза были темными, пустыми и опасными.

— Марк, она испортила мне костюм! — Кира указала на меня дрожащим пальцем.

— Я вижу, — Марк не повысил голоса. Это было страшнее крика. — Алиса, останься. Исправь ошибку. Руками. Сейчас.

— Я... я могу купить новый, — голос предательски сорвался. — Дайте мне пять минут.

— Нет времени, — он поднялся со своего места. Высокий, статный, в идеально скроенном костюме. Он подошел ближе, возвышаясь надо мной. — Правила безопасности запрещают покидать зону разлива реактивов без обработки поверхности. Если ты уйдешь, это будет квалифицировано как нарушение протокола. Твоя стипендия? Прощай. Место в академии? Прощай.

Он достал телефон. Щелчок камеры прозвучал как выстрел.

— Начинай, Алиса. И помни: каждое движение фиксируется для отчета о дисциплинарном нарушении.

Меня замутило. Он произносил слова из инструктажа, а я уже слышала, как придется объяснять маме, почему меня выгнали. Хватка невидимого кулака сжалась вокруг моего горла. Он и прежде задерживал на мне взгляд, когда я засыпала над конспектом. Теперь снимал крупным планом. Хотел, чтобы на записи было видно всё: мои дрожащие руки, голодную слабость, страх.

— Помогите ей, — раздался тихий голос справа.

Даниил Орлов. Студент-практикант. Мой однокурсник, который обычно молчал и прятался за своими очками. Он сделал шаг вперед, протягивая мне салфетку. Его руки были спокойными, уверенными. В его взгляде мелькнула искра сочувствия, хрупкая, как стекло.

— Держи, быстрее смоешь...

— Не лезь, интерн, — Марк не повернул головы, но его тон стал ледяным. — Пусть учится ответственности. Твоя помощь только усугубит её вину в порче имущества фонда. Отойди.

Даниил замер. Посмотрел на меня, потом на Марка и медленно убрал руку с салфеткой. Я ещё тянулась к ней, когда он отступил. Кто-то за моей спиной задвинул стул под стол; больше никто не подошёл.

— Ну же, — поторопила Кира, ухмыляясь. — Танцуем, обезьянка?

Болью отдавало в кончиках пальцев. Реагент въедался в кожу, вызывая жжение. Кира стянула пиджак и бросила на низкий табурет возле стола. Я опустила перед ним на колени. С рукава ещё капало; подставила ладонь, чтобы не залить и пол, и тут же пожалела об этом.

Я начала тереть пятно своими руками. Без перчаток. Кожа краснела и зудела. На сгибах пальцев щипало сильнее всего. Каждый жест вызывал новый приступ тошноты.

— Слишком сильно давишь, — комментировал Марк, снимая видео. — Аккуратнее. Ты же будущий врач. Где манера?

Кира смеялась. Тихо, противно, как сверчок.

— Посмотри на неё, Марк. Она реально ползает. Как собака, которая нагадила и пытается слизать следы.

Слезы подступали к глазам. Я заморгала, и Марк тут же опустил телефон ниже, к моему лицу. Пришлось стиснуть зубы и снова смотреть на рукав: только бы не заплакать в этот объектив. Фиолетовая грязь расплзлась под пальцами. Пальцы горели. На ладонях проступили красные полосы, и я боялась разжать пальцы: тогда все увидят, как они дрожат.

Пятно не исчезало. Оно лишь размазывалось, становясь еще более заметным, глубоким, вьевшимся в волокна.

Дверь лаборатории открылась. Вошла профессор Иванова. Её очки съехали на нос, когда она увидела эту сцену: студентка на коленях, староста с телефоном, дочь спонсора, хихикающая над унижением.

— Что происходит? — спросила она сухо.

— Нарушение техники безопасности и порча имущества фонда, — быстро отрапортовал Марк, опуская телефон к бедру, но не выключая запись. — Алиса пролила реагент на форму Киры Лапиной и отказалась соблюдать протокол деэскалации инцидента.

Иванова посмотрела на Киру. Та моментально выпрямила спину, став образцом добродетели.

— Алиса, вам следует быть внимательнее, — произнесла преподавательница, глядя сквозь меня. — Замечание. Записано в личное дело. Следующее нарушение — отчисление.

Она развернулась к доске, оставив без внимания мои покрасневшие руки. Я всё ещё сидела на полу. Марк остановил запись, убрал телефон и перехватил мой взгляд. Едва заметно улыбнулся. Победитель.

Когда занятия закончились, я хотела просто исчезнуть. Раствориться в коридоре, стать пылью, никем. У раковины я долго держала руки под прохладной водой. Остальные уже собирали сумки; я промокнула пальцы бумажным полотенцем и двинулась к двери. Но путь к выходу перекрыл Марк.

— Кабинет старосты. Через пять минут, — бросил он и скрылся за дверью.

Я задержалась у лабораторного стола. Пять минут — он ведь заметит, если опоздаю. А если войду, что меня ждёт? Крик? Удар? Полицейский участок?

Через пять минут я стояла перед закрытой дубовой дверью кабинета. Пахло кофе и дорогой кожей. Внутри сидел дьявол в человеческом обличье.

— Войдите, — приказал голос.

Я вошла. Комната была маленькой, тесной. Стены завешаны дипломами и портретами декана. Марк сидел за столом, перебирая какие-то бумаги. Не поднимая глаз.

— Садись, — кивнул он на стул напротив.

Я села. Колени тряслись так, что я боялась, они не выдержат веса тела.

— Знаешь, почему я тебя оставил? — спросил он вдруг, откладывая ручку.

— Чтобы... довести начатое?

— Нет, — он поднял голову. Его глаза были холодными, расчетливыми. Он смотрел с тем же скучающим интересом, с каким снимал меня на полу. От этого было ещё страшнее. — Чтобы дать тебе шанс.

Он достал телефон и включил запись. Видео того, как я ползаю на коленях, как кривится моё лицо, хотя слёз я не дала ему увидеть, как мои руки становятся красными от химии. Голос Киры: «Грязная нищета!». Голос профессора: «Отчисление».

— Красивое видео, правда? Для ректора. Для комиссии по этике. Для твоих родителей. Для отца, который просит у кредиторов рассрочку долга.

У меня перехватило дыхание. Откуда он знает про долг? Про родителей?

— Я знаю всё, Алиса, — он говорил мягко, почти ласково. — Твой отец должен три миллиона. Тебе негде жить через месяц. Твоя стипендия — единственная ниточка. И эта ниточка теперь в моих руках.

— Чего вы хотите? — прошептала я. Горло свело судорогой.

Марк встал, обошел стол и остановился прямо передо мной. Я подвинула ноги под стул, чтобы не задеть его колени. Между ним и краем стола оставался узкий проход; пришлось бы попросить его отойти, чтобы добраться до двери.

— Мне нужен ассистент. Личный. Не тот, кто пишет отчеты, а тот, кто выполняет любые задания. Даже грязные. Даже незаконные.

— Я не стану...

— Ты станешь, — перебил он. — Или завтра это видео увидит ректор. Плюс заявление Киры о нападении — она может подать такое, если захочет. Плюс проверка твоего финансового статуса. Результат: отчисление, чёрный список. А кредиторы твоего отца ждать не станут.

Он наклонился ближе. Я чувствовала запах его одеколона — сандал и табак. Опасный, мужской, удушающий.

— Выбор прост, Алиса. Ты либо моя тень, либо мусор. Выбирай. И помни: я всегда смотрю.

Его голос был мягким, как бархат, но слова падали в мою душу, как гвозди в крышку гроба. Я посмотрела на руки: после воды жжение стихло, но фиолетовый цвет забился под ногти. На плече ныло место, за которое хватала Кира. Марк ждал ответа, и я не могла придумать, чем заплатить ему, чтобы он оставил меня в покое.

Я открыла рот, собираясь ещё раз сказать «нет», и услышала собственный вдох. Марк даже не поторопился. Держал телефон экраном ко мне и ждал.

Глава 2

Воздух в кабинете декана был густым, как остывающий студень, и пах старыми бумагами и чьим-то дорогим парфюмом. Я стояла перед его столом, чувствуя, как колени становятся ватными. Не от холода — от страха.

— Алиса Ковалёва, — Виктор Сергеевич Волков произнёс моё имя, не отрываясь от экрана. Он щёлкнул мышью, и я ждала, пока он наконец договорит. — Твоя нервозность мешает учебному процессу. А долг твоего отца... вышел за рамки статистики. Это уже риск для репутации фонда.

Я сглотнула ком в горле. Губы пересохли так, что было больно их разлепить.

— Профессор, я готова исправить ошибку. Я могу взять дополнительные смены в лаборатории...

— Исправить? — Он наконец посмотрел на меня. Холодно, оценивающе, как продавец осматривает бракованный товар. — Ты испортила костюм из коллекции Лапиных. Сумма ущерба превышает твою годовую стипендию в три раза. Но есть вариант. Публичное покаяние. Признание вины за «порчу имущества» и принудительные работы в подсобном фонде академии до полного покрытия долга. Или ты уходишь навсегда. Выбор за тобой.

Меня тошнило от этого выбора. От того, как легко он растоптал моё достоинство, назвав его «выбором».

— Я... я приму условия.

Выходя из кабинета, я почти физически ощущала взгляд Киры. Она ждала у окна, небрежно поправляя манжету нового, идеально скроенного пиджака. Цветочный запах её духов ударил мне в нос, вызывая спазм в желудке.

— Ну что, нищенка? — Кира улыбнулась уголками губ. Её глаза были холодными стеклышками. — Весь этаж слышал, как ты просила прощения. Теперь все знают, кто здесь грязный. Иди, работай. Может быть, к вечеру научишься тереть полы достойно.

Я хотела ответить. Хотела сказать, что она пустая оболочка, что за её спиной стоят только деньги отца. Но горло перехватило судорогой. Из груди вырвался жалкий всхлип, который эхом разлетелся по коридору. Головы студентов повернулись. Смех. Шепоток. Кира торжествующе хмыкнула, доставая телефон, чтобы запечатлеть мою слабость.

Я побежала прочь, чувствуя, как слезы жгут щеки.

Анатомический театр встретил меня тишиной и запахом формальдегида, который теперь казался запахом приговора. Марк Волков стоял у входа, засунув руки в карманы халата. Он выглядел спокойно, почти скучающе.

— Дорога закрыта, Ковалёва, — сказал он, не повышая голоса. Его темные глаза буравили меня насквозь. — Декан был любезен. Но я нет. Ты знаешь, где находится подсобка морга? Там, где хранят инструменты для вскрытия. Твои руки нужны там. До глубокой ночи.

— Я уже согласилась работать, — прошептала я, пытаясь найти опору под ногами.

— Работа уборщицей в морге не оплачивается. Она списывает долг. Если через месяц сумма не покроется... — он сделал паузу, наслаждаясь моментом. — Мы сообщим коллекторам адрес твоего дома. Знаешь, что такое опись имущества родителей?

Кровь отлила от лица. Он говорил так, будто вопрос уже решён. Откуда у него эти сведения? О долгах, о маминых болезнях, о том, как они живут впроголодь.

— Ты чудовище, — выдохнула я.

Марк лишь усмехнулся, развернулся и исчез за дверью театра, оставив меня одну в ледяном коридоре.

Я осталась одна. Спорить с распоряжением Марка было не с кем: пропущенный вечер означал пропущенный день списания долга, а долг копился с каждым часом. Так что к ночи я

спустилась в подсобку морга, к шкафу с инструментами для вскрытий, взяла перчатки и губку. Начиналась моя первая ночная смена.

Ночь в подсобке была бесконечной. Холод проникал под одежду, кусал пальцы. Я мыла столы для вскрытий. Перчатки липли к раздражённой коже, и я старалась не смотреть на то, что смывала губкой. Каждое движение давалось с трудом. Руки дрожали, не столько от усталости, сколько от отвращения к самой себе.

В металлическом подносе с забытым скальпелем угадывалось моё отражение. Бледная кожа, синяки под глазами, потрескавшиеся губы. Кто эта девушка? Та, что мечтала спасти жизни? Сейчас я была просто мусором, который нужно вынести.

— Эй! Выметайся! — грубый голос вахтера Димыча резанул тишину. — Час ночи, а ты тут сопли размазываешь. Стипендиатам тут делать нечего, кроме как пыль сосать. Вон пошла!

Он выставил меня за дверь, толкнув плечом так, что я чуть не упала. Замок щелкнул. Даже в холодной подсобке было лучше, чем под этим дождём. Я осталась одна в темноте служебного двора. Дождь начинал моросить, мелкий и противный. Телефон в кармане завибрировал. Экран вспыхнул красным светом: «Мама».

Я ответила, ещё не успев выровнять дыхание. Только бы мама не услышала, что я плачу.

— Алиса? — её голос был тонким, как нить паутины. — Они пришли. Коллекторы. Папа плачет. Они говорят, если завтра не будет денег или подписи о продаже квартиры... они заберут всё. Дом, мебель. Всё.

Мир качнулся. Я прислонилась к холодной кирпичной стене корпуса, пытаюсь дышать. Воздуха не хватало.

— Мам, я... я стараюсь. Я работаю...

— Зачем, дочка? Зачем тебе этот ад? Продадим квартиру, вернем долг. Уедем. Пожалуйста, брось эту академию. Ты там умрешь.

Я смотрела на закрытую дверь подсобки. За ней остались вымытые мной столы; пальцы всё ещё ныли под мокрыми манжетами. Ни часа этой работы мама не могла предъявить тем, кто стоял у неё в квартире. Я хотела сказать, что терплю ради них, но после её «зачем» это уже не получалось.

Положив трубку, я пошла вдоль корпуса. На развилке я свернула к библиотеке, хотя до общежития было ближе. Мне нужно было найти хоть какую-то лазейку, оправдание, документ. Что угодно, чтобы не чувствовать себя загнанной в угол зверем.

Архив корпусов был закрыт, но я знала обходной путь через пожарную лестницу. Тихо, стараясь не скрипеть ступеньками, я спустилась вниз. В глубине архива горел единственный настольный светильник.

За столом сидел Даниил Орлов. Студент-практикант, которого никто не замечал. Он читал, склонив голову над книгой по нейрохирургии. Услышав мои шаги, он не вздрогнул. Просто поднял глаза. Спокойные, серые, без тени осуждения.

— Ты промокла, — тихо сказал он. Я ждала расспросов и уже готовилась отвечать, что всё в порядке. Даниил только отодвинул книгу, освобождая место напротив.

Он встал, подошел к чайнику, который грелся на углу стола, и налил горячую воду в кружку. Протянул её мне. Пар окутал мое лицо, размывая зрение.

— Пей.

Я взяла кружку обеими руками, чувствуя, как тепло проникает внутрь, останавливая внутреннее дрожание. Даниил молча положил передо мной свою лабораторную тетрадь. На обложке не было имени, только дата и код доступа к закрытым серверам факультета.

— Здесь записи профессора Лермонтова. Теория восстановления нервных связей после травм. То, чего нет в открытых источниках. И ключ от архива старых дел фонда. Там может быть информация о манипуляциях с оценками студентов.

Я посмотрела на него.

— Почему? Ты рискуешь своим местом. Марк узнает...

— Марк знает, что ты слабое звено в его цепи, — перебил Даниил мягко. — Но ты не слабая. Ты просто загнана. Наука не требует унижения. Она требует знаний. Бери. Это шанс, который не имеет цены.

Я поставила кружку рядом с тетрадью. На пальцах осталась вода, и, прежде чем тронуть обложку, я вытерла их о сухой край рубашки. Даниил повернул тетрадь ко мне и подвинул лампу. Его рукав задел моё запястье. Я подняла глаза: без очков, которые он положил рядом с книгой, лицо оказалось совсем другим. Усталое, упрямое. Красивое. Я смутилась этой неуместной мыслью и открыла тетрадь. Он сел рядом, чтобы разобрать со мной первую схему. Даже спрашивать разрешения не пришлось.

Ночь прошла за разбором схем. Мы с Даниилом сидели над его тетрадью до самого утра: он показывал, где в записях Лермонтова скрыты допущения, я переписывала ключевые узлы себе на поля. Когда за окном посерело, Даниил отобрал у меня ручку и велел идти спать, пока никто не заметил моего отсутствия, и я вышла из архива первой, оглядываясь на каждом повороте коридора.

Рассвет окрашивал небо в грязно-фиолетовый цвет. Я стояла на пороге главного входа в академию. Слева — выход на улицу, к автобусу, к дому, где меня ждали слезы матери и пустота. Справа — стеклянные двери, ведущие в мир, где правили Волковы и Лапины. Мир, который хотел меня съесть.

Я подняла глаза на третье окно второго этажа. Свет там не горел, но я чувствовала присутствие. Мне чудилось, что Марк смотрит оттуда. Я даже повела плечом, закрывая рюкзак от окна: там лежала тетрадь, о которой он не должен знать.

Тепло кружки, оставленной на столе Даниила, ещё помнили ладони. Его тетрадь лежала в рюкзаке; я проверила молнию, прежде чем отойти от главного входа.

Я сделала шаг назад от выхода. Затем еще один. Развернувшись спиной к свободе, я посмотрела на служебный вход в лабораторию. Маленькую, неприметную дверь, скрытую за колоннами.

У служебного входа я прислушалась: шагов не было. Если меня здесь застанут, к замечанию добавят ещё и самовольный вход. А если уйду, на экзамене останется только отвечать по тем конспектам, которые Марк позволил нам читать. Я поправила рюкзак. Тетрадь Даниила нужно было разобрать до следующего занятия; первую схему я уже помнила, во второй путалась.

Я схватилась за ручку служебной двери. Металл был ледяным, но моя рука больше не дрожала.

Тетрадь прижималась к спине сквозь рюкзак. Вспомнила дату на обложке, мелкий почерк Даниила. В этих записях можно было разобраться. За спиной хлопнула дверь главного корпуса; я вздрогнула, но ручку служебного входа не отпустила.

Глава 3

Запах хлорки преследовал даже в общежитии. Я нюхала рукав чистой куртки и всё равно чувствовала подсобку морга. Я стояла перед дверью анатомического театра, сжимая в потных ладонях пропуск так сильно, что бумажный край уже начал рваться. Большой палец снова и снова тёр край пропуска. Я одёрнула себя: ещё немного, и вместо бумаги протяну охраннику ошмётки. Стоило представить телефон Марка, направленный на меня сверху, как пальцы опять сжались.

Перед тем как войти в корпус, я позвонила маме. После той ночи звонила каждый день, и каждый раз сначала спрашивала одно:

— Вы дома? Они не приходили снова?

— Дома, дочка. Вчера опять приходили, но папа договорился: дали месяц, чтобы найти покупателя самим. Без их цены за нашу квартиру. Ничего мы пока не подписали.

Я прижала телефон крепче. Значит, то ночное «заберут всё» не случилось. Нас оставили ждать следующего звонка, следующего стука в дверь.

— Папа как?

— Сидит над объявлениями. Хочет успеть. Ты только не обещай им деньги, которых нет, слышишь? И сама ешь хоть что-нибудь.

— Слышу, мам. Я вечером ещё позвоню.

Она попрощалась, но трубку сразу не положила. Я слушала её дыхание, пока за дверью не заскрипел стул охранника.

— Алиса Ковалёва? — голос охранника был сухим, как бумага для черчения. Он даже не поднял глаз от телефона. — Проход закрыт. Декан распорядился. «Временное отстранение». Иди домой, девочка.

«Иди домой». Как будто у меня есть дом. У меня есть долг отца и пустой холодильник.

Я попыталась возразить, но охранник уже вернулся к телефону. Пропуск он так и не взял. Я постояла перед ним ещё несколько секунд, убрала бумагу в карман и отошла от двери. Можно было попасть туда иначе. Старый корпус, где пахнет плесенью и забытыми амбициями, имел служебную лестницу, ведущую к архиву методичек. Там было тепло от труб, там было темно, и там меня никто не искал.

Риск был абсурдным: простуда, вылет из общежития за нарушение режима, сломанная рука. Но страх потерять последний шанс на карьере был сильнее страха перед сквозняком. Я юркнула в тёмный коридор служебного входа, чувствуя, как холодный воздух обжигает щёки.

Каждый шаг отдавался эхом в пустоте. Моё сердце колотилось так, что, казалось, слышно каждому призраку прошлого. Я почти добралась до лестницы в архив, когда свет фонарика ударил мне прямо в лицо. Я зажмурилась, инстинктивно прикрывая глаза рукой.

— Люблю ночные прогулки, особенно когда они заканчиваются исключением, — голос был низким, бархатным и абсолютно лишённым сочувствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.